

(курсив наш. — В.Т.)... Их желание снять с них запрещение брать к себе беглых попов бессмысленно; ибо где и в каком крае на свете допустить можно, чтоб явно и с разрешения правительства кто-либо покидал свою должность и нагло поступал в должность мнимую к людям, не терпящим над собой никакой власти? (курсив наш. — В.Т.). Никто им не запрещает избирать или приглашать к себе священников, но не беглых. Вот в чем они повинны. Но согласен я полагать, что одним сим воспрепятствованием не ограничиваются земские власти; но, пользуясь поводом, весьма вероятно, приобщают другие произвольные насильственные меры»¹⁶.

В то же время и в 60—70-е гг. XIX г. продолжала сохраняться инерция репрессивного воздействия на результаты выборов городских обществ, если на них побеждали старообрядцы. Подобные результаты выборов не были редким явлением, особенно в поволжских городах. Несмотря на жесткое давление на старообрядческое купечество, чрезвычайные препятствия для ведения староверами торгово-промышленной деятельности, их деловые качества и компетенция намного превосходили их новообрядческих конкурентов. Общества старообрядцев были сплочены, активны, имели более высокий жизненный уровень, что и предопределяло их победу. Так, на выборах городского головы Нижнего Новгорода на 1867—1870 гг. основными соперниками были приемлющий священство старообрядческий купец Ф.А.Блинов и новообрядец И.С.Кварталов. Важно отметить, что Ф.А.Блинов из-за исповедания старой веры испытывал значительные препятствия в бизнесе. В Купецкой ведомости он был записан купцом второй гильдии, показавшим капитал в 6 тыс. руб., но торгующим только «на временных правах»¹⁷. Тем не менее на выборах городского головы выборщики предпочли Ф.А.Блинова: за него было подано 176 голосов, а за И.С.Кварталова — 128. Вследствие того, что в либеральном 1866 г. невозможно было объявить выборы недействительными из-за принадлежности Ф.А.Блинова к староверию, хотя ограничения, введенные в 1820—1830-е гг. продолжали действовать, то власти добились от Блинова заявления, в котором он, подтверждая свою приверженность старообрядчеству, сообщал, что имеет в раз-

ных губерниях коммерческие дела, требующие постоянных отлучек. Это заявление было истолковано властями как добровольный отказ от должности¹⁸.

Однако проблема выборов старообрядцев на общественные должности продолжала сохранять остроту, т.к. несмотря на все административные запреты, старообрядцы продолжали избираться и гласными городских дум, и городскими головами. Вследствие этого из департамента общих дел МВД 13 марта 1873 г. губернаторам был разослан секретный циркуляр, подписанный министром внутренних дел А.Е.Тимашовым, в котором говорилось, что 9 марта 1873 г. Александр II «высочайше повелеть соизволил», чтобы в случае избрания старообрядца на какую-либо общественную должность, «предварительно утверждения такового избрания, было каждый раз предъявляемо на рассмотрение министра внутренних дел, которому представляется, по собрании об избранном лице подробных сведений, допускать или не допускать раскольников к отправлению общественных должностей, по своему ближайшему усмотрению»¹⁹. Трудно увидеть в этом циркуляре искреннюю попытку решить проблему. Если раньше старообрядцев категорически не допускали к выборным должностям, то теперь право решать судьбу выборов было предоставлено министру внутренних дел, который 19 марта 1873 г. направил губернаторам еще один циркуляр. В нем он обязывал губернаторов в случае избрания кого-либо из старообрядцев, проживающих на вверенной им территории, уведомить министра о факте избрания, а также сообщить сведения о том, к какому согласию староверия принадлежит данный старообрядец, и информацию «об образе жизни и действиях его и о степени значения его в сфере единомышленников своих с присовокуплением Вашего, милостивый государь, заключения касательно допущения или недопущения избранного лица к занятию общественной должности»²⁰. Фактически политика дискриминации старообрядческого населения продолжалась, не считаясь с мнением городских обществ, в которых староверы всегда составляли костяк гражданской самостоятельности и инициативы. Так, в марте 1873 г. после ухода в отставку с должности городского головы г. Чистополя Казанской губернии купца-ста-

рообрядца Челышева²¹ на его место был избран член управы, гласный городской думы беспоповец И.Я.Шапошников²². Несмотря на то, что чистопольский уездный исправник Троицкий охарактеризовал И.Я.Шапошникова как достойного и весьма скромного и в образе жизни, и в своих действиях купца-старообрядца²³, министр Тимашев сообщил казанскому губернатору, что признает допущение его к занятию должности городского головы неудобным только «ввиду принадлежности городского головы, гласного чистопольской городской Думы Шапошникова» к беспоповцам²⁴.

Игнорирование воли старообрядческого купечества и его дискриминация постепенно превращались в серьезную внутриполитическую проблему, которая приобрела черты бездумного отталкивания от власти наиболее успешных как экономически, так и (потенциально) политических элементов. Эта проблема была осознана только в 80-х гг. XIX в., и 3 мая 1883 г. был принят закон о даровании старообрядцам основных гражданских прав, по которому помимо снятия всех ограничений на выдачу паспортов для старообрядцев (п. 1), дозволялось творить общественную молитву и исполнять духовные требы (п. 5), свободно производить торговлю и промыслы (п. 2) и «занимать общественные должности с утверждения, в указанных случаях, подлежащих правительственных властей» (п. 4)²⁵.

Это правило действовало как на городском, так и на сельском уровне. Следует отметить, что в правительственных кругах проблемы, связанные с выборами или назначениями на сельские должности, обращали на себя пристальное внимание. Уже в нормативных актах 1820—1830-х гг. предписывалось ограничивать доступ к общественным должностям крестьян-старообрядцев. В секретном предписании министра внутренних дел от 10 апреля 1834 г. особо оговаривался случай, когда помещики назначали на начальные должности в их деревнях, заводах и фабриках управляющими своих крепостных-старообрядцев. Очевидно, что грамотные, трезвые и расторопные старообрядцы идеально подходили на должности управляющих. В этом случае предписывалось делать «секретные внушения помещикам, не стесняя, впрочем, прав владельца» с тем, чтобы заменить их на новообрядцев или единоверцев²⁶. Так, казанский гу-

бернский предводитель дворянства сообщил 26 октября 1834 г. губернатору С.С.Стрекалову, что «в имении, принадлежавшем прежде князю Волхонскому, а ныне дошедшем во владение госпожи действительной статской советницы Сверчковой в селе Красной Поляне с деревнями, в которых вообще считается крестьян до тысячи душ, состоит управляющим крепостной ея человек Алексей Прокофьев Мартьянов, самый закоренелый раскольник»²⁷. Как следует далее из письма, в Красной Поляне старообрядцы были немногочисленны, но они имели среди крестьян очень большое влияние. Из губернаторской канцелярии губернскому предводителю дворянства предписывалось сделать помещице Сверчковой внушение об удалении с должности А.П.Мартьянова²⁸. Однако во многих государственных и владельческих деревнях старообрядцы беспрепятственно занимали выборные должности.

По закону 3 мая 1883 г. снимались многие ограничения для староверов на занятие выборных должностей в сельских местностях. В то же время в п. 5 закона указывалось, что если в волости, состоящей из старообрядцев и новообрядцев, в должности волостного старшины утвержден будет старообрядец, то помощники его должны быть новообрядцами²⁹. С 1887 г. (циркуляр министра внутренних дел от 29 мая 1887 г.) процедура утверждения в должности избранных лиц стала трактоваться как средство «именно воспрепятствовать» старообрядцам «пользоваться властью и влиянием»³⁰. Тем не менее факты свидетельствуют о том, что в селах, где население было смешанным — старообрядческо-никонианским, — староверы, как более проникнутые духом общественного служения, неизменно занимали ведущие должности. Например, в 1887 г. в селах Цивильского уезда Казанской губернии — Можарках и Вутабосях — старообрядцы занимали должности сельских старост: Р.В.Баданов и И.Варламов соответственно; в Можарках и Норваш-Кошках староверы занимали полицейские должности сотских (И.Е.Шакшин, Е.Г.Баданов, Т.Ефимов) и десятских (10 чел. в Можарках и 4 чел. в Норваш-Кошках)³¹, а также все должности пожарных старост в Можарках (5 чел.). В начале XX в. крестьянин с. Вутабоси старовер И.С.Тихомиров 6 лет прослужил в должности новомамеев-

ского волостного судьи, а П.С.Зубов, Г.И.Кутов (с. Можарки) и М.К.Цапин (д. Старые Курбаши) состояли в списках, как «имеющие право быть избранными в присяжные заседатели»³².

После 1905 г. последние ограничения на занятие общественных должностей старообрядцами были ликвидированы, и староверы заняли устойчивое положение как на общественных должностях на уровне городского и сельского самоуправления, так и на скамьях Государственной думы. Так, во II Думе заседали староверы С.Р.Кириллов и В.С.Дрибинцев³³, депутатами III Думы были поповцы Ф.Н.Чиликин, И.Л.Мерзляков, И.Л.Спирин, а также беспоповцы Д.П.Гулькин, М.К.Ермолаев³⁴. Весной 1913 г. городским головой Нижнего Новгорода был избран выдающийся предприниматель и деятель белокриницкого старообрядчества Д.В.Сироткин, при котором город пережил период своего расцвета.

В заключение следует сказать, что старообрядчество в целом показало себя более подготовленным к активной и эффективной общественной деятельности на выборных должностях, чем представители синодально-новообрядческой церкви. В старообрядческой среде уже на ранних этапах сложилась практика соборного и демократического решения возникавших проблем. Самоорганизующиеся старообрядческие общины и их лидеры, в первую очередь успешные предприниматели, задолго до либеральных реформ 60—70-х гг. XIX в. сформировали в своей среде эффективную модель гражданского общества, которую длительное время отвергала правительственная власть России. Борьба за вытеснение староверов с общественных должностей, по сути, была борьбой с органично возникшими элементами гражданского общества, что в исторической перспективе оказалось губительным для России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный государственный архив Чувашской Республики (далее — ЦГА ЧР), ф. 94, оп. 2, д. 112, л. 4 об. — 1.

² См.: Тимофеев В.В. Старообрядцы-предприниматели в Чебоксарском уезде Казанской губернии во второй половине XVIII — конце XIX века: историко-социологический аспект // Сб. науч. тр. Чебоксары, 2001. С. 192.

³ ЦГА ЧР, ф. 94, оп. 2, д. 107, л. 1 об. — 4.

⁴ Там же, д. 1115; д. 1076; д. 107, л. 5 об.

⁵ Там же, д. 1184; д. 107, л. 3.

⁶ См.: Агеев С.С., Микитюк В.П. Рязановы — купцы Екатеринбургские. Екатеринбург, 1998.

⁷ Национальный архив Республики Татарстан (далее — НАРТ), ф. 1, оп. 2, д. 63, л. 3 об.

⁸ НАРТ, ф. 1, оп. 2, д. 63, л. 3 об. — 4.

⁹ Там же, л. 6 об.

¹⁰ Там же, л. 9.

¹¹ Там же, л. 1.

¹² Там же, л. 2.

¹³ Там же, л. 3—3 об.

¹⁴ Там же, л. 4.

¹⁵ Там же, л. 5.

¹⁶ Император Николай Первый. М.: Русский миръ, 2002. С. 226.

¹⁷ Казаев И.В. Блиновы: предприниматели и благотворители // Нижегородский предприниматель. 1998. № 1.

¹⁸ См.: Казаев И.В. Предприниматели и благотворители Блиновы: Из истории династии Блиновых // Каждый род знаменит и славен / Из истории нижегородского предпринимательства XVII — начала XX вв. Нижний Новгород; Комитет по делам архивов Нижегородской области, 1999. С. 22.

¹⁹ НАРТ, ф. 1, оп. 3, д. 327а, л. 1.

²⁰ Там же, л. 2.

²¹ Там же, л. 9.

²² Там же, л. 8.

²³ Там же, л. 7—7 об.

²⁴ Там же, л. 11.

²⁵ ЦГА ЧР, ф. 122, оп. 1, 321, л. 2.

²⁶ НАРТ, ф. 1, оп. 2, д. 63, л. 6.

²⁷ Там же, л. 6 об.

²⁸ Там же, л. 7—8.

²⁹ ЦГА ЧР, ф. 122, оп. 1, д. 321, л. 2.

³⁰ Там же, л. 28.

³¹ Там же, л. 29, 31.

³² ЦГА ЧР, ф. 374, оп. 1, д. 59, л. 50, 51, 56.

³³ См.: Поздеева И.В. Личность и община в истории русского старообрядчества // Мир старообрядчества. История и современность. Вып. 5. М., 1999. С. 15.

³⁴ См.: Церковь. 1909. № 21 (24 мая). С. 687.

Поступила 25.06.2004.

ISBN 0131-5706

**Научно-
публицистический
журнал**

4/2004

результаты

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредители:

Министерство
образования
Российской
Федерации

Министерство
промышленности,
науки и технологий
Российской
Федерации

Правительство
Республики Мордовия

Государственное
научное учреждение
«Научно-
исследовательский
институт регионологии
при Мордовском
государственном
университете
имени Н.П.Огарева»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

4/2004
(№ 49)

СОДЕРЖАНИЕ

3 К 75-летию Республики Мордовия

Проблемы федерализма

17 О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“». Федеральный закон от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ

34 М.М.Курманов. Взаимоотношения законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и Президента Российской Федерации

43 С.В.Буянкина. Основные направления реформирования социального законодательства субъектов Российской Федерации

57 А.И.Ухтияров. Некоторые проблемы конституционного законодательства в субъектах Российской Федерации

64 П.А.Астафичев. Конституционно-правовой аспект народного представительства в субъектах Российской Федерации

Территориальное управление

78 А.В.Баранов. Факторы современного геополитического положения на Кубани

90 Л.И.Попкова. Территориальная организация населения российско-украинского приграничья

99 В.И.Козин. Формирование новой избирательной системы региона: опыт и уроки

Экономика региона

111 П.А.Левчаев. Методология исследования финансовых ресурсов предприятий региона

122 К.И.Плетнев, В.А.Степанников. Региональные аспекты государственного заказа в рыночной экономике

Редколлегия:

А.И.СУХАРЕВ
(главный редактор)В.Д.ВОЛКОВ
Т.И.ГОЛУБЧИК
(ответственный
секретарь)

В.И.ГРИБАНОВ

Д.В.ДОЛЕНКО

В.В.ИВАНОВ
В.В.КОЗИН
(заместитель главного
редактора)

В.В.КОНАКОВ

Н.С.КРУТОВ

Г.Ф.КУЦЕВ

Н.П.МАКАРКИН

М.В.МОСИН

В.А.НЕЖДАНОВ

В.А.НЕЧАЕВ

Ю.А.НОВИКОВ

К.И.ПЛЕТНЕВ

С.В.ПОЛУТИН

О.И.ПРУДНИКОВ

М.Н.ХОХЛОВ

Ю.В.ШЛЕНОВ

В.А.ЮРЧЕНКОВ

129 В.А.Береславская. Инвестиционный потенциал как основа стратегии развития региона

139 Б.И.Ломакин. Повышение эффективности использования земли: проблемы и решения

Региональные проблемы науки и образования

146 А.Г.Абсалямова. Основы Концепции регионального компонента государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования в Республике Башкортостан

152 А.А.Темербекова. Природно-климатические и социально-экономические факторы формирования системы образования региона

Социология региона

159 М.А.Казаков. Постсоветский опыт и современные тенденции транзита региональных элит

171 А.А.Емекеев. Адаптация молодого специалиста на предприятии: проблемы и решения

181 С.М.Нечаева, Е.Р.Ярская-Смирнова, П.В.Романов. Проблемы независимой жизни инвалидов региона

190 В.В.Козин, В.М.Курков. Развитие этносоциологических исследований в Мордовии

202 В.Г.Мысливцев. Динамика экзогамных браков русского и финно-угорских народов России

Информационное пространство региона

209 В.А.Писачкин, Г.Н.Мозгачев. Развитие информационных и телекоммуникационных ресурсов в регионе

Провинциальная культура

222 О.Е.Соколова. Торговый вектор развития волжского города

232 В.В.Тимофеев. Старообрядцы на выборных должностях в российской провинции

244

Рецензии

246

Конференции. Встречи. Дискуссии

В.В.ТИМОФЕЕВ

СТАРООБРЯДЦЫ НА ВЫБОРНЫХ ДОЛЖНОСТЯХ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Участие в выборах, право избирать и быть избранным на общественные должности является основным критерием правоспособности и гражданского доверия к общественным институтам и личности, призванным на общественное служение. Длительное время Российское государство, движимое надуманными целями религиозной унификации, воспринимало последователей Древлеправославной церкви (старообрядцев) в качестве граждан даже не второго, а третьего сорта, всячески преследуя их за верность дониконовскому православию, и безосновательно подозревало в политической нелояльности.

Одной из характерных черт этой дискриминационной политики было ограничение на занятие общественных должностей старообрядцами. Если в конце XVII в. старообрядчество было юридически запрещено в России, что вытекало из так называемых Статей царевны Софьи (1685 г.), то в начале XVIII в. существование староверия в стране было допущено, но чрезвычайно стеснено рядом ограничений. Одним из них был запрет староверам избираться на общественные должности («иметь начальство над другими»). Это вытесняло старообрядцев на периферию общественной жизни и не позволяло им оказывать даже ограниченного влияния на общественные процессы. Только в правление Екатерины Великой постепенно были сняты все ограничения на личные, имущественные и гражданские права старообрядцев, им было официально дозволено участвовать в выборах и занимать общественные должности. Следует отметить, что ко второй половине XVIII в. сложился слой старообрядчес-

ТИМОФЕЕВ Валерий Владимирович, докторант кафедры новейшей истории Отечества Чувашского государственного педагогического университета.

ких предпринимателей — купцов, мещан, цеховых и крестьян, которые имели в некоторых городах и местностях столь большое влияние, что именно они стали формировать структуры местного управления, в первую очередь это касалось магистратов и городских дум.

Этот процесс затронул крупные и мелкие города, где были расселены старообрядцы. Например, в таком небольшом волжском городе, как Чебоксары (Казанская губерния) с населением в 1 445 чел. (1782 г.)¹, где доля старообрядцев составляла 3,67 %², они сумели воспользоваться открывшимися возможностями и в конце XVIII в. неоднократно занимали выборные должности. В начале 80-х гг. XVIII в. старовер И.Ф.Сапожников занимал должность ратмана в чебоксарском магистрате³, а в конце 90-х гг. XVIII в. старообрядцы В.Я.Войлошников⁴ и М.С.Будаев⁵ были чебоксарскими альдерманами.

Особо показателен в этом отношении горно-заводский Урал. В Екатеринбурге, например, магистрат начал действовать с 1751 г., городская дума — с 1788 г. Первым городским головой Екатеринбурга был избран М.С.Рязанов (1741—1814) — старообрядец, приемлющий священство, влиятельный купец с репутацией исключительно честного и порядочного в коммерческих делах предпринимателя, который занимал эту должность с 1788 по 1790 г. Один из его сыновей, Т.М.Рязанов, избирался бургомистром на 1799—1802 гг., а другой сын, Я.М.Рязанов, в 1811—1813 гг. состоял в должности бургомистра и дважды избирался городским головой, будучи старообрядцем (на 1814—1817 и 1820—1823 гг.), и третий раз — на эту же должность (1841—1844 гг.), уже став единоверцем⁶.

Следует отметить, что с 1788 по 1835 г. подавляющее большинство лиц, занимавших должность городского головы Екатеринбурга, были старообрядцами, причем некоторые избирались по несколько раз — И.Р.Казанцев (1799—1802, 1811—1813 гг.), Л.М.Тарасов (1817—1820, 1823—1826 гг.), и только в единичных случаях эту должность занимали единоверцы (Я.Ф.Толстиков, С.Ф.Черепанов).

С 20-х гг. XIX в. правительство стало пересматривать свою политику по отношению к выборам старообрядцев на общественные должности. 27 мая 1820 г. были приняты

правила, согласно которым выделялись более или менее терпимые направления в старообрядчестве. Причем если старообрядцев, приемлющих священство, ограничение на занятие общественных должностей не коснулось, то из беспоповцев избираться могли только те, кто признавал брак и молился за царя, т.е. брачные поморцы. В то же время на них были наложены серьезные ограничения: они могли быть допущены к общественным должностям «не иначе, как только по необходимости» и если не найдется никого из членов синодальной церкви или старообрядцев-поповцев, кто бы мог занять эти должности. Для безбрачных беспоповцев доступ к общественным должностям был полностью закрыт⁷. Однако в целом эти правила наиболее влиятельной и активной части старообрядчества (поповцев) не коснулись, и они продолжали играть видную роль в городском управлении. Так, на выборах городского головы и двух бургомистров Екатеринбурга в июне 1820 г. эти важнейшие должности заняли старообрядцы Я.М.Рязанов, П.Рябов и А.В.Нуров.

Старообрядцы как самоорганизующееся общество к концу 20-х гг. XIX в. смогли использовать модель, по которой осуществлялись выборы на общественные должности для более широкого представительства интересов старообрядцев, что в конечном счете отвечало основным интересам самых широких слоев населения. Отсутствие внутренней и внешней конфликтности, честность, экономическая, управленческая и социальная успешность старообрядцев объективно выдвигали их на первое место среди претендентов на общественные должности. В этих условиях новообрядцы, более косные и подверженные рутине, оказывались в проигрыше перед староверами. В то же время существовал трудно объяснимый с точки зрения формальной логики парадокс, когда российская государственная власть делала ставку не на успешных старообрядцев, а на неконкурентоспособных новообрядцев, стремясь всеми средствами подорвать мощь и влияние староверов. Это стремление особенно усилилось с 30-х гг. XIX в., когда против старообрядцев стали применяться меры полицейского, идеологического и экономического преследования. В русле этой политики правительство с 1830 г. стало вытеснять старообрядцев с об-

щественных должностей, в значительной мере казуистически толкуя правила от 27 мая 1820 г. В то время как по букве этих правил старообрядцы-поповцы имели равные права на занятие общественных должностей с членами синодальной церкви, высочайше утвержденное Николаем I мнение Государственного совета от 20 октября 1830 г. перетолковывало его. Согласно министру внутренних дел статс-секретарю графу Д.Блудову, места по общественной службе всегда должны быть предоставляемы лицам новообрядческого исповедания, «какое бы число их ни было; старообрядцы же допускаются к занятию этих мест в таком только случае, когда число православных (новообрядцев. — В.Т.) будет весьма ограниченное, а из беспоповщины допускаются к должностям только те, кои принадлежат к секте, которая молится за царя и коею приемлется брак, и то в случае крайней необходимости, то есть когда не найдется никого из православных или старообрядцев к занятию таковых мест»⁸.

Тем не менее подобный курс был в значительной мере нереалистичен и не исполнялся на местах, о чем свидетельствуют неоднократно повторявшиеся правительством строгие предписания о недопущении старообрядцев к общественным должностям. Так, мнение Государственного совета от 20 октября 1830 г. подтверждалось циркулярами министра внутренних дел Блудова губернаторам от 10 апреля 1834 г.⁹ и 14 апреля 1835 г., причем во втором циркуляре говорилось: «Государь император по дошедшему до него сведению, что Высочайше утвержденные 27 мая 1820 г. правила, сообщенные от министерства внутренних дел начальникам губерний к исполнению о *неопределении в общественные должности раскольников, не по всем ведомствам наблюдаются* (курсив наш. — В.Т.), Высочайше повелеть мне соизволил: подтвердить начальникам губерний, чтобы означенные правила 27 мая 1820 г. повсеместно были исполняемы»¹⁰. Как следует из текста циркуляра, к 1835 г. правительство переосмыслило правила 1820 г. в духе полного запрета для всех старообрядцев занимать общественные должности.

В то же время российское общество не только не сочувствовало такому преследованию староверов, но и в меру

сил старалось противостоять этому давлению. Так, против избранного в 1832 г. городским головой Екатеринбурга А.Т.Резанова выступил архиепископ Пермский Аркадий, а также министр внутренних дел Блудов довел до сведения пермского губернатора недовольствие Николая I, что «продолжает быть в екатеринбурге градским главою раскольник купец Аникий Резанов». Губернатор, в свою очередь, потребовал от горного начальника Екатеринбургских заводов подполковника корпуса горных инженеров Протасова отстранения А.Т.Резанова от должности. Протасов ответил, что ему не известны правила, по которым можно отстранить от должности человека, избранного обществом, и А.Т.Резанов дослужил в должности городского головы полное трехлетие. Купец второй гильдии В.А.Набатов избирался ратманом екатеринбургского магистрата и гласным городской думы даже в самые тяжелые времена антистарообрядческих правительственных гонений.

Более того, были случаи, когда целые городские общества вступались за права старообрядцев. 13 апреля 1834 г. Казанское градское общество составило приговор о проживающих в Казани купцах и мещанах, принадлежащих к федосеевскому согласию (в тексте приговора именуются «перекрещенцы»), на основании которого казанский градской глава Г.Мельников направил казанскому военному губернатору С.С.Стрекалову рапорт, в котором просил «исходатайствовать у высшего Правительства разрешения, дабы находящиеся в числе Казанского купецкого и мещанского сословий старообрядцев перекрещенской секты дозволено было избирать во все гражданские по выборам общества службы кроме городских голов»¹¹.

Губернатор не стал брать на себя такую ответственность и 5 мая 1834 г. переслал копию приговора Казанского градского общества на «благоусмотрение» министру внутренних дел статс-секретарю Блудову¹². Градское общество в приговоре своим указывало на три обстоятельства, которые делали отстранение старообрядцев от занятия общественных должностей бессмысленным вследствие «во-1^{-ю}, что перекрещенцы занимаются всегдашним торгопроизводством наряду с прочими христианского исповедания купцами и другими сословиями без всякого отдаления себя по случаю

раскола, следовательно, общественная служба, равно, как и самая торговая их промышленность, ни мало не могут препятствовать их секте, а напротив. Они, сообщаясь по службе с гражданами христианского исповедания, постепенно могут обращаться к православной церкви; во-2^{-х}, что многие из числа перекрещенцов по значительности своего капитала состоят по 1^{-й} и 2^{-й} гильдиям купечества и по знаниям своим безупустительно могут исправлять общественные по выборам службы; и в-3^{-х}, что оставшимся после перекрещенцов детям определяясь опекунами, граждане православного исповедания обременяются чрез то в исправлении сей вовсе для них посторонней обязанности»¹³.

Тем не менее правительственная власть оказалась глухой к доводам разума и общественной пользы. Министр Блудов, ссылаясь на Правила от 27 мая 1820 г. и на мнение Государственного совета от 20 октября 1830 г., ответил 24 мая 1834 г. казанскому военному губернатору С.С.Стрекалову следующее: «...я не нахожу возможным принять на себя ходатайство о допущении к выборам в общественные должности по городу Казани раскольников, тем более секты безпоповщины»¹⁴. Этот ответ и был доведен до сведения исполняющего должность казанского городского головы¹⁵.

Политика недопущения старообрядцев на должности городского самоуправления продолжалась на протяжении всего царствования Николая I и носила нескрываемый характер конфессионального преследования, дополнявшегося на местах сведением личных счетов со старообрядцами, устранением их как активных и опасных торгово-промышленных конкурентов и т.д. Правительство считало полезным подобное преследование, т.к. видело в староверах самоорганизующуюся группу, в которой сложились традиции социальной и гражданской независимости, выработалась способность самостоятельно определять свои жизненные цели и ценности. Об этом откровенно писал Николай I в послании от 9 июня 1837 г. наследнику, великому князю Александру Николаевичу. «Ты прав, — писал Николай I наследнику, — находя особую важность в делах раскольников: предмет трудный, требующий особой бдительности и осторожности в принимаемых мерах. Терпеть их своевольтва нельзя